

Всё больше крови стекало по полуоткрытому рту Гу Чжэня, попадая внутрь. Глотательные движения кадыка стали заметнее, и он с усилием проглатывал жидкость. Постепенно выражение боли на его лице начало исчезать. Хэ Сюйлян убрал руку, и его ногти быстро втянулись, снова превратившись в широкую и тёплую ладонь. Даже рана на ладони, которая была проколота ранее, полностью зажила, не оставив и следа.

Он сел рядом с Гу Чжэнем, освободив его акупунктурные точки. Гу Чжэнь не сопротивлялся, только тяжело дышал, словно полностью обессилел. Хэ Сюйлян приподнял его верхнюю часть тела и мягко похлопал по спине:

— Господин?

Сознание Гу Чжэня то погружалось в пучину невыносимой боли, то всплывало на поверхность, он не мог ясно мыслить. 007 продолжал стимулировать его мозг, но это только усиливало страдания, не принося никакого облегчения. Теперь, когда боль начала утихать, тело Гу Чжэня было покрыто потом. С огромным трудом он открыл глаза, и перед ним предстало лицо Хэ Сюйляна, не имеющее себе равных в этом мире.

Гу Чжэнь застыл на мгновение, затем почувствовал горький привкус во рту и тошноту в желудке. Он бросился к краю кровати, начав сухо рвать, но ничего не вышло.

Хэ Сюйлян молча продолжал похлопывать его по спине. Гу Чжэнь рвал и кашлял так долго, что у него закружилась голова, и он чуть не потерял сознание снова. Только тогда ему стало немного легче. Он откинулся назад, чувствуя, будто только что вернулся с того света.

Хэ Сюйлян уже встал и вышел, чтобы принести ему чашку чая. Теперь он вернулся, сел на кровать, приподнял Гу Чжэня и поднес чашку к его губам. Гу Чжэнь быстро выпил содержимое, и странный горьковатый привкус во рту наконец исчез. Он был настолько измотан, что не обращал внимания на приличия, вытер рот рукой, но на ней осталась кровь. В ужасе он поднял глаза на Хэ Сюйляна и хрипло спросил:

— Я кашлял кровью?

Глаза Хэ Сюйляна слегка дрогнули, и он ответил после паузы:

— Это застоявшаяся кровь в организме. Ничего страшного.

Гу Чжэнь не знал, правда это или нет. Он уткнулся в одеяло, чувствуя смешанные эмоции и сильную головную боль.

Неудивительно, что это тело так боится холода и под глазами всегда синяки. Это не только из-за его распутной жизни, но и из-за того, что он употребляет наркотики!!!

Черт возьми!

Могу ли я сейчас подать заявление на повторное перерождение? Откажусь от всего этого богатства и роскоши, только дайте мне здоровое тело. Не поздно ли?

Гу Чжэнь некоторое время нервничал, понимая, что сейчас ему нужно разобраться, что же такое эта трава-двойчатка. Он ведь два месяца был в Цюнсяне и не употреблял её, и никаких симптомов отмены не было. А вот сейчас, вернувшись, он снова столкнулся с этой проблемой.

Гу Чжэнь сел, укутавшись в одеяло, и посмотрел на Хэ Сюйляна:

— Расскажи мне, что это за трава-двойчатка.

Хэ Сюйлян отвечал кратко, и Гу Чжэнь понял, что это действительно галлюциноген. Её кладут в курильницу, и при сжигании выделяется дым, который при вдыхании вызывает чувство эйфории и блаженства. Знать Имперского города называет её «божественной травой», а простые люди — «ядовитой травой».

Из-за того, что это растение сложно выращивать, а его выживаемость низка, оно давно стало чрезвычайно дорогим, и обычные люди не могут себе позволить его употреблять. Но если человек попробует её один раз, он будет постоянно стремиться к тому состоянию блаженства. Если же он не сможет удовлетворить свою потребность, то будет страдать так же, как Гу Чжэнь, испытывая невыносимую боль и причиняя себе вред.

Гу Чжэнь слушал и не знал, что сказать. Неужели ему теперь придётся не только учиться у Шан Яна проводить реформы, но и у Линь Цзэсюя — уничтожать опиум?

Хэ Сюйлян продолжил:

— Многие простые люди, попавшие в зависимость от травы-двойчатки, готовы продавать своих детей, чтобы купить её. Но эта ядовитая трава — бездонная яма, и многие умирают на улицах.

Гу Чжэнь вздрогнул, подумав: «Ладно, с сегодняшнего дня я буду Гу Цзэсюй».

— Почему у меня такая сильная реакция? Я ведь видел, что Гао Сю тоже употребляет.

Хэ Сюйлян покачал головой:

— Чем больше употребляешь, тем сильнее реакция при отмене. Господин раньше употреблял очень много.

Гу Чжэнь надул губы:

— Но когда я был в Цюньсяне, я не прикасался к ней, и ничего не случилось.

Хэ Сюйлян снова покачал головой:

— Если не употреблять, то ничего не происходит. Но если начал, то нужно удовлетворить потребность полностью. И с каждым разом требуемое количество увеличивается.

Гу Чжэнь подумал, что это даже лучше, чем наркотики из его прошлой жизни. Просто не употреблять, и всё. Он слегка расслабился и сказал:

— Тогда просто не употреблять, и всё?

На этот раз на лице Хэ Сюйляна появилась лёгкая улыбка:

— А кто в этом мире сможет забыть этот восхитительный и разрушительный вкус?

Затем он пристально посмотрел на Гу Чжэня:

— А господин сможет?

Гу Чжэнь на мгновение задумался, затем выпрямился и гордо поднял подбородок:

— Конечно, смогу!

Хэ Сюйлян кивнул:

— Тогда всё в порядке.

Гу Чжэнь, укутавшись в одеяло, пододвинулся к Хэ Сюйляну и спросил:

— Эй, а если я уничтожу всю траву-двойчатку, это будет правильно?

Хэ Сюйлян сначала поправил его одеяло и спросил:

— Господину всё ещё холодно?

Гу Чжэнь честно кивнул, затем толкнул его локтем:

— Эй, я о серьёзном говорю. Эта штука такая вредная, нельзя её оставлять.

Хэ Сюйлян кивнул:

— Это действительно так, но нельзя действовать слишком поспешно.

Гу Чжэнь нахмурился:

— Почему?

— В округе Жунсюань заведения, где продают эту траву, разбросаны повсюду. За ними стоят многие родственники императора. Уничтожить их — значит лишить их значительного источника дохода, что крайне невыгодно для вашей позиции. Даже среди простых людей, если резко запретить эту траву, может начаться бунт. Когда начинается ломка, люди теряют контроль над собой, и многие начинают причинять вред себе и другим.

Гу Чжэнь слушал и чувствовал, как голова раскалывается. Он только вернулся и совсем не знаком с ситуацией в Имперском городе. Теперь, после объяснений Хэ Сюйляна, он чувствовал ещё большее раздражение. Это был настоящий клубок проблем, который невозможно распутать. Он ещё не успел закрыть несколько борделей, а теперь узнал, что главная беда — это заведения, где продают траву-двойчатку.

Гу Чжэнь пробормотал:

— Коррупция среди чиновников и торговцев... Что же мне делать?

Хэ Сюйлян посмотрел на каплю крови, застывшую у уголка глаза Гу Чжэня, теперь она выглядела как тёмно-красная родинка. В его сердце возникло болезненное чувство удовлетворения. Он произнёс:

— Я буду слушать ваши наставления.

Гу Чжэнь горько усмехнулся:

— Какие уж тут наставления...

Не успел он закончить, как у двери раздался пронзительный голос евнуха:

— Император прибыл!

Гу Чжэнь и Хэ Сюйлян обменялись взглядами, удивляясь, почему император вдруг пришёл.

Император, конечно, не мог быть остановлен Си Юэ и Е Жанем у двери. Маленький Цзян Юньсюань резко распахнул дверь и закричал:

— Отец-канцлер, отец-канцлер!

Гу Чжэнь быстро сбросил одеяло и побежал во внешние покои. Увидев его, Цзян Юньсюань глаза загорелись, протянул руки и побежал навстречу, требуя объятий. Гу Чжэнь поспешно присел на корточки и крепко обнял это пухлое маленькое тело, поцеловав Цзян Юньсюаня в щеку:

— Сюань-эр, почему ты вдруг пришёл?

Цзян Юньсюань поднял маленькие ручки, чтобы коснуться лица Гу Чжэня, и спросил, нахмурившись:

— Отец-канцлер, что с тобой? Почему у тебя всё лицо в крови?

Гу Чжэнь подумал, что Цзян Юньсюань говорит о крови, которую он недавно выкашлял, и успокоил его:

— Ничего страшного, это просто застоявшаяся кровь. Её нужно выкашлять, это полезно для здоровья.

Цзян Юньсюань смущённо кивнул, и Гу Чжэнь спросил:

— Сюань-эр, ты скучал по отцу-канцлеру? Я как раз планировал через несколько дней, двадцать третьего числа, приехать во дворец и забрать тебя. Почему ты сам пришёл?

Цзян Юньсюань торопливо ответил:

— Только что господин Гао пришёл ко мне и сказал, что тебя похитил этот подлый пёс. Я испугался.

Гу Чжэнь удивился и повторил:

— Подлый пёс?

Как раз в этот момент «подлый пёс» медленно вышел из внутренних покоев. Цзян Юньсюань, увидев его, плюнул в его сторону и закричал:

— Вонючий пёс, что ты здесь делаешь?

Гу Чжэнь нахмурился, крепче обнял Цзян Юньсюаня и сказал:

— Ваше Величество, нельзя быть таким грубым. Генерал Хэ сейчас ваш подданный и ваш народ. Как правитель, вы должны любить свой народ, как своих детей.

Цзян Юньсюань прижался щекой к плечу Гу Чжэня и крикнул Хэ Сюйляну:

— Слышишь, вонючий пёс? Называй меня отцом!

Гу Чжэнь слегка шлёпнул Цзян Юньсюаня по попе, притворившись сердитым:

— Как ты разговариваешь!

Цзян Юньсюань с достоинством ответил:

— Я старше, он младше, что тут неправильного?

Гу Чжэнь скривился, но не смог ничего возразить.

Он махнул рукой:

— Вы все можете выйти. Мне нужно поговорить с Его Величеством.

<http://bllate.org/book/16782/1543624>